

Майна нижней библиотеки

Григорий Кудряшов
Тайна Нижней Библиотеки

«Автор»

2026

Кудряшов Г. Д.

Тайна Нижней Библиотеки / Г. Д. Кудряшов — «Автор», 2026

Дима сбегает от скуки в библиотеку, где находит тайную дверь и подземное убежище. В день двенадцатилетия он открывает книгу, от которой исходит странный запах, видит внутри своё имя — и встречает загадочного старика. Спустя годы, когда жизнь становится невыносимой, он возвращается и соглашается на путешествие по безумной Кривдии — миру карточных королевств, лягушек в цилиндрах и смертельных шахматных партий. Каждое королевство обнажает крайности души, а старик скрывает тайну, которая навсегда изменит Дмитрия. Ему предстоит узнать, кто он на самом деле и какую цену готов заплатить за новую жизнь.

© Кудряшов Г. Д., 2026

© Автор, 2026

Григорий Кудряшов

Тайна Нижней Библиотеки

Тайна нижней библиотеки

Глава 1.

Всё началось ещё очень давно в небольшом городке. Диме было 9 лет. Он был щуплым пацаном, и его единственный друг вместе с семьей внезапно переехал за две тысячи километров. Его отец давно сгинул, а мать постоянно пилила ему мозги по поводу домашних дел, поэтому сидеть дома не хотелось. Это лето обещало стать худшим в его жизни.

Немного поразмыслив, Дима решил, что библиотека — лучшее место, чтобы провести каникулы. Книг там было немного, особенно детских, зато внутри этих стен его не ждали домашние обязанности и мамино занудство. Да и других детей, с которыми пришлось бы общаться, там не водилось.

Первая половина лета тянулась уныло. Дима спал до десяти, делал дела по дому, а затем ехал в библиотеку на своем ржавом велосипеде. Там он развлекался тем, что раздражал пожилых посетителей. Однажды одна вежливая дама сквозь зубы процедила Диме: «Да заткнись ты, блять». Это был первый раз в жизни, когда он услышал, как взрослый произносит это слово.

Скучные дни сменялись неделями, и Дима уже начал молиться о скорейшем начале школы. Но в один из дней он обнаружил подвал. Ему казалось, что он обошел всю библиотеку вдоль и поперек, но в дальнем углу, за полками с книгами на иностранных языках, он наткнулся на маленькую деревянную дверь, которой раньше там точно не было.

Дверь была сделана из дуба, без окон, и выглядела намного старше самой стены. На ней была старая черная ручка, на которой был выгравирован отпечаток босой стопы. У Димы сразу появилось предчувствие, что за этой дверью скрывается что-то запретное и очень интересное. Оглядевшись и убедившись, что никто не видит, он повернул тяжелую ручку, проскользнул внутрь и захлопнул за собой дверь.

За дверью была абсолютная темнота. Сбитый с толку, он сделал пару шагов и замахал руками в поисках стены или полки, но наткнулся на тонкую веревочку, свисавшую сверху. Дима дернул за неё, и вспыхнул тусклый свет.

Он стоял на маленькой, покрытой пылью площадке. Слева находилась старая, скрипучая винтовая лестница из дерева. Лампочка была единственным источником света, и когда Дима заглянул за перила, ступени быстро исчезали в темноте. Ему стало страшно. Это место совершенно не походило на обычную библиотеку. Сейчас, будучи взрослым, он бы посоветовал себе маленькому разворачиваться и бежать назад. Но тогда, девятилетним пацаном, он не мог упустить шанс разгадать загадку.

Дима глубоко вздохнул и начал спуск. Дерево на перилах было сухим и в занозах, поэтому он убрал руки и пошел, вытянув их в стороны для баланса. Лестница казалась бесконечной, а в воздухе появился странный пар. Сердце бешено колотилось в темноте.

Когда его ноги наконец коснулись бетонного пола, свет от лампочки наверху был едва различим. Но впереди Дима увидел новый источник света. Прямо перед ним была огромная дверь насыщенного бордового цвета, из-под которой пробивались тонкие полоски зловещего, тусклого света.

Дима глубоко вздохнул и прошел сквозь неё. В отличие от сырого и пыльного подвала, комната за бордовой дверью оказалась ослепительно яркой. Когда его глаза привыкли к свету, у него перехватило дыхание. Это была библиотека — самая совершенная библиотека, которую только можно представить.

Она была меньше, чем верхняя, но казалась созданной специально для него. Полки были забиты книгами в ярких обложках, посреди комнаты стояли два невероятно удобных фиоле-

товых кресла, а в воздухе стоял необыкновенный, потрясающий аромат — смесь цитруса и сосновой хвои. За всю свою жизнь Дмитрий не чувствовал ничего более прекрасного. Опьяненный этим местом, он думал лишь об одном: ему больше никогда не будет скучно.

На самом деле скука отступила лишь на три года. Всё изменилось в его двенадцатый день рождения, ровно двадцать три года назад. До этого дня Дима навещал свое подземное убежище так часто, как мог — по несколько раз в неделю. Он никогда не видел там ни души и никогда не выносил книги наружу. Он просто садился в одно и то же фиолетовое кресло, оставляя кресло напротив пустым, и читал.

В день Диминого двенадцатилетия его мама пригласила в дом одноклассников и дальних родственников, чтобы отпраздновать. Ему это казалось скорее утомительным, и он просто хотел поскорее остаться наедине с книгой в своем раю. Наконец гости разошлись, и Дима добрался до библиотеки примерно за 15 минут до закрытия. То, что двери запрут, его не волновало — сотрудники никогда не проверяли подвал.

В тот вечер Дима дочитывал финальные главы эпического приключения про рыцарей, мечи и драконов. Но как только он закрыл книгу, изысканный аромат цитруса и хвои внезапно сменился неприятным, кисловатым запахом. Объективно смесь запахов осталась прежней, но Дима стал воспринимать её по-другому, и она ему больше не нравилась. Это было похоже на оптическую иллюзию, когда ты сначала видишь молодую женщину, а затем внезапно замечаешь старуху, и больше не можешь развидеть её. Чары рассеялись.

Запах исходил из одного определенного места. Ведомый беспокойством, Дима начал обнюхивать комнату и подошел к одной из полок. Там стоял большой том в кожаном темно-бордовом переплете с черным отпечатком ноги на корешке. Открыв обложку, на первой странице он увидел аккуратно выведенную черно-красными чернилами фразу:

«Отпусти свои горести, друг, и не возвращайся к ним».

Завороженный, он начал медленно отступать к своему креслу, листая страницы. Следующая страница была пуста, но запах стал сильнее. Еще страница — снова пусто, а запах стал еще более насыщенным, вызывая рвотный позыв.

Приблизившись к креслам, он перевернул последнюю страницу и замер. Там тем же зловещим шрифтом было написано то, чего он никак не ожидал увидеть — его собственное имя.

Дима выронил книгу и рванул к двери, но, подняв взгляд, обомлел. Фиолетовое кресло напротив больше не было пустым. В нем, положив ногу на ногу, сидел пожилой мужчина в костюме. На правом запястье мужчины, там, где манжета рубашки слегка приподнималась, виднелась бледная татуировка — тот же самый отпечаток босой стопы, выведенный тонкими чёрными линиями. Она была старой, почти стёртой, будто её нанесли много лет назад. Дмитрий на мгновение задержал на ней взгляд, но тут же отвёл глаза, испугавшись. У него был пронзительный серый взгляд и легкая усмешка.

Это было выше его сил. Дима рухнул на колени, и его вывернуло прямо на ковер. Вытирая рот, он услышал, как мужчина тихо хохотнул.

— Кто вы? — в панике спросил Дима.

Мужчина вскочил на ноги, мягко взял его за плечи и усадил в кресло, после чего сам вернулся на свое место.

— Боюсь, мы начали немного не с того, — сказал он, взглянув на лужу на ковре. — К запаху нужно привыкнуть.

— Кто вы?! — повторил Дима.

— Сегодня ты познаешь страдание, какого прежде не знал, — ответил он. — Я пришел как друг, предлагая тебе убежище от него и от всех других бурь, что ждут впереди.

Больше всего на свете Дима хотел сбежать, но оставался сидеть, словно приросший к месту. Он спросил, о чем он говорит.

— Твоя мать мертва, малыш. От своей собственной руки, на своей собственной кухне. Картина, признаться, не из приятных, — произнес он с нотками печали, но в его глазах он заметил игривый блеск. — Уверен, ты хочешь избежать этой тропы. Я могу показать тебе путь безопаснее.

От этих ужасных слов у Димы кровь застыла в жилах, но он ему не поверил.

— Что вам от меня нужно?! — потребовал Дима, стараясь звучать смелее.

Мужчина рассмеялся старым, сильным смехом, пробиравшимся до костей:

— Ничего, кроме твоей дружбы, мой мальчик. Я хочу, чтобы ты отправился со мной в путешествие. Мое дело благородно, и из тебя выйдет отличный ученик. А может быть, когда я закончу... — он устало вздохнул и провел костлявыми пальцами по редким белым волосам, — может быть тогда мое дело станет твоим.

Дима поднялся и, не сводя с него взгляда, медленно двинулся к выходу.

— Вы сумасшедший! — закричал он. — Моя мама не умерла! Не умерла!

— Иди сам проверь, если хочешь, — ответил он, жестом указывая на дверь.

Дима бросил на него презрительный взгляд и метнулся к выходу. Но стоило ему схватиться за ручку, как он мягко произнес его имя. Против воли Дима обернулся.

— Твой путь будет нелегким, друг мой. Если когда-нибудь... я имею в виду, когда угодно, — он сделал паузу, обведя рукой комнату, — если тебе станет невыносимо, ты знаешь, где меня найти.

Дима захлопнул за собой дверь и, перескакивая через ступени, взлетел по скрипучей лестнице. Выбежав из библиотеки, он вскочил на велосипед и со всех сил помчался домой.

Входная дверь была распахнута настежь. Дима бросил велосипед на землю и осторожно подошел к дому. В глубине души он понимал, что старик не солгал, но его глаза наполнялись слезами, а сердце бешено колотилось. Он шагнул внутрь и позвал маму. В ответ была тишина. Тогда Дима повернулся в сторону кухни...

По сей день он не знает, почему она это сделала.

Дима прожил все оставшиеся годы в этом маленьком городке, но с тех пор почти не приближался к городской библиотеке. Лишь один раз, когда ему было двадцать один, он набрался храбрости и зашел внутрь. Страх постепенно превратился в праздное любопытство.

Дмитрий подошел к тому месту, где когда-то находилась дверь в его подземное убежище. Теперь там была лишь голая, пустая стена. Он спросил у библиотекаря, что стало с подвалом, хотя в глубине души знал ответ.

— Подвала нет, — ответила она. — Его никогда и не было. Более того, если верить документам, городские строительные нормы вообще запрещали устройство подвальных помещений в этом районе.

С тех самых пор, с того самого двенадцатого дня рождения, Дмитрия повсюду преследует этот приторно-сладкий запах — ядовитая смесь цитруса и хвои. Тот самый запах, который Дима почувствовал, когда увидел свою мать в тот день на кухне, лежащую в луже собственной крови...

Глава 2.

Дмитрий не сразу понял, что его жизнь превратилась в рутину. Это случилось незаметно, как ржавчина, которая годами разъедает металл, пока однажды он не рассыпается в труху от одного прикосновения. Ему было тридцать пять, и он работал в страховой компании, где каждое утро начиналось с одного и того же: серый кофе из автомата, бесконечные отчёты, холодные голоса клиентов на том конце провода и начальник, который говорил о «синергии» так, будто это спасёт мир. В последние три года Дмитрий перестал ждать пятницы — он просто существовал от понедельника до понедельника, как заведённый механизм, у которого сломалась пружина.

Дома его ждала пустая квартира с запахом застоявшегося табака и невымытой посуды. Жена — бывшая уже две недели, но официально ещё нет — забрала кота, половину мебели и всю ту теплоту, которая когда-то делала эти стены домом. Она ушла к какому-то фитнес-тренеру, оставив записку: «Ты слишком много молчишь, Дима. С тобой невозможно жить». Он тогда долго смотрел на её почерк — аккуратные буквы с наклоном вправо, — и впервые за много лет вспомнил другую записку, ту, из книги в подвале. «Отпусти свои горести, друг, и не возвращайся к ним». Только тогда он не отпустил, он их впустил.

Премия отменили за день до того, как он узнал про развод. На общем собрании директор размахивал графиками, показывал падение прибыли и говорил, что «все мы в одной лодке». Дмитрий сидел в третьем ряду и думал о том, что лодка эта давно течёт, а он даже не пытался заделать дыры. Он просто плыл по течению, уставший, апатичный, потерявший вкус к чему-либо. Даже к книгам. Он не брал в руки ни одной книги больше десяти лет — после того, как в двадцать один год нашёл пустую стену, он словно дал себе зарок больше не прикасаться к печатному слову. Иронично, не правда ли? Он, который когда-то находил убежище между страниц, теперь боялся даже обложек.

Но в тот вечер, когда он сидел на кухне и смотрел на остывший ужин — лапша быстрого приготовления с сосиской, — в голове внезапно всплыл голос, старый, сильный, с лёгкой усмешкой: «Если тебе станет невыносимо, ты знаешь, где меня найти». Дмитрий вздрогнул и отставил тарелку. Он не думал об этом человеке больше двадцати лет — или старался не думать. Но сейчас, когда жизнь казалась бессмысленной и пустой, когда каждый новый день приносил лишь разочарование, этот голос прозвучал в его сознании яснее, чем когда-либо.

Он подошёл к окну. За стеклом лил мелкий осенний дождь, фонари расплывались жёлтыми пятнами, и городок казался таким же серым и унылым, каким был в его детстве. Тот самый городок, где он вырос, где умерла его мать, где он нашёл ту дверь и потерял покой навсегда. Дмитрий не уехал отсюда — не знал, зачем. Может, из привычки, может, из чувства вины, а может, потому, что где-то в глубине души он ждал, что чудо повторится.

Он накинул старый плащ, сунул ноги в промокшие ботинки и вышел из дома. Ноги сами понесли его к библиотеке. Он не думал о том, что увидит, не строил планов — он просто шёл, как тогда, в девять лет, ведомый смутным предчувствием. Страх шевелился где-то в груди, холодный и липкий, но он был почти приятен — по крайней мере, он отвлекал от той пустоты, что заполнила всё остальное.

Библиотека встретила его запахом пыли и старой бумаги. Внутри горели тусклые лампы, и только одна пожилая женщина сидела за столом с вязанием — она даже не подняла головы, когда Дмитрий вошёл. Он прошёл мимо стеллажей, мимо тех самых книг на иностранных языках, которые когда-то скрывали дверь. Сердце колотилось, как в детстве, когда он впервые нащупал ручку. И вдруг — он увидел её. Маленькая дубовая дверь, та же самая, с чёрным отпечатком босой ноги на ручке. Она стояла на том же месте, как будто никогда и не исчезала.

Дмитрий замер. В горле пересохло. Он протянул руку — пальцы дрожали, — и коснулся прохладного дерева. Дверь была настоящей, твёрдой, грубой на ощупь. Он оглянулся: библиотекарь всё так же вязала, не обращая на него внимания. Тогда он повернул ручку и шагнул внутрь.

Темнота была абсолютной, как в могиле. Он сделал шаг, второй, нащупал знакомую верёвку и дёрнул. Тусклая лампочка вспыхнула, осветив ту же пыльную площадку и ту же винтовую лестницу, уходящую вниз. Воздух пах сыростью и старым деревом. Дмитрий стоял и смотрел, как ступени исчезают в глубине, и впервые за много лет почувствовал что-то, кроме апатии — живой, животный страх. «Поворачивай назад, — шепнул внутренний голос. — Ты уже не мальчик, ты знаешь, чем это пахнет». Но он не послушал. Он начал спуск.

Перила были такими же шершавыми, такими же сухими, и он снова убрал руки, балансируя в темноте. Ступени скрипели под его весом — теперь он был тяжелее, и этот скрип

казался громче, почти оглушительным. Свет лампочки наверху таял, и его поглотила чернота. Он чувствовал, как пот стекает по вискам, как сердце бьётся где-то в горле, но он продолжал спускаться, пока ноги не коснулись бетонного пола.

Впереди горел тот же зловещий багровый свет из-под бордовой двери. Он толкнул её, и она открылась беззвучно, словно ждала его.

И он увидел её — ту самую библиотеку, его рай, его убежище. Она не изменилась ни на йоту. Те же полки, забитые яркими корешками, те же два фиолетовых кресла, стоящие друг напротив друга, и тот же невероятный, пьянящий аромат цитруса и сосновой хвои. Но теперь, после стольких лет, он воспринимал его иначе. Запах ударил в ноздри, но он не вызывал тошноты — он был сладким, свежим, живым. Дмитрий вдохнул полной грудью, и ему показалось, что лёгкие наполнились чем-то тёплым и чистым. В этом запахе не было больше яда, только обещание покоя.

Он медленно обошёл комнату, провёл пальцами по корешкам книг, и они отзывались приятной вибрацией. Никого не было. Кресло напротив пустовало. На мгновение Дмитрий почувствовал разочарование — он ожидал встречи, но старик не появился. Или, может, он не появился ещё.

Дмитрий подошёл к полке, где когда-то стояла та страшная книга с отпечатком ноги. Теперь там были другие тома, и один из них привлёк его внимание — небольшой, в тёмно-зелёной обложке, с золотым тиснением в виде паутины. На корешке не было названия, но книга будто сама тянулась к его руке. Он взял её, и она оказалась тёплой, как живое существо.

Он опустился в своё старое кресло — оно приняло его с мягким пружинным вздохом, идеально повторяя форму тела, — и открыл книгу. Страницы были плотными, чуть желтоватыми, пахли ванилью и старым пергаментом. И он начал читать.

Он заметил, что на корешке книги, там, где обычно ставят издательский знак, выдавлен крошечный отпечаток босой стопы — такой же, как на ручке двери и на той страшной книге из детства. Он машинально провёл по нему пальцем, но тут же забыл об этом, увлечённый первой же строчкой.

Первая история называлась «Шахматная война». На поле, расчерченном на чёрные и белые клетки, двигались не фигуры, а целые армии крошечных солдатиков, которые стреляли друг в друга из микроскопических пушек, а король и ферзь играли в карты на вершине холма, не обращая внимания на бойню. Вторая — «Чаепитие лягушек» — повествовала о трёх зелёных амфибиях в смокингах, которые пили чай из крошечных фарфоровых чашек и обсуждали философию времени, при этом их глаза то и дело меняли цвет. Третья — «Четыре королевства» — описывала мир, разделённый на черви, пики, бубны и трефы, где правили карточные короли, и каждый день там разыгрывалась новая партия, от которой зависела судьба всех жителей.

Дальше было ещё страннее. «Влюблённый парнишка» — история о мальчике, который каждую ночь взбирался на стеклянную башню, чтобы увидеть принцессу, но каждый раз, когда он добирался до вершины, башня превращалась в песок, и он проваливался в бесконечную пустоту. «Поле и дом» — бескрайнее поле пшеницы, и вдали виднелся одинокий дом с дымящейся трубой, но сколько бы герой ни шёл к нему, расстояние не сокращалось. «Тёмный город» — сотня фонарей, горящих тусклым жёлтым светом, бесконечный дождь, люди в пальто, которые вечно куда-то спешили, но никогда не достигали цели. «Белка-спойтельница» — рыжая белка с моноклем, которая сидела на дубе и предлагала прохожим отравленный абсент, а те с удовольствием пили и падали замертво, но через минуту вставали и продолжали путь, как ни в чём не бывало. И, наконец, «Летучий корабль» — огромный деревянный галеон с парусами из паутины, который парил над облаками и собирал души умерших, но капитан его был пьян и постоянно терял курс.

Дмитрий читал и перечитывал эти абзацы, пытаясь уловить смысл, но его не было. Или он был, но спрятан так глубоко, что разум отказывался его принимать. Каждая история была закончена сама по себе, но ни одна не имела начала или конца. Они были похожи на сны, которые забываешь через минуту после пробуждения, но оставляющие странный осадок. И всё же он не мог оторваться. Его пальцы перелистывали страницу за страницей, глаза скользили по строчкам, а время текло незаметно. Он читал, наверное, час, два, три — он потерял счёт.

И вот, когда он перевернул очередную страницу, запах изменился. Сначала едва уловимо — он почувствовал кислую нотку, как прокисшее молоко. Он нахмурился, но продолжил читать. Ещё страница — и запах усилился, стал терпким, горьким, ударил в нос с такой силой, что у Дмитрия заслезились глаза. Он закашлялся, отложил книгу и поднял голову.

Старик сидел напротив.

Тот же костюм — тёмно-серый, с жилеткой и цепочкой от часов, — те же седые залитые волосы, те же аккуратные усы, завитые колечками. Внешность не изменилась ни на каплю: те же глубокие морщины, та же бледная кожа, те же пронзительные серые глаза, в которых плясал огонёк — то ли насмешка, то ли что-то более тёмное. Единственное, что выдавало время, — это костюм. Дмитрий заметил, что фрак выглядит старомодным, будто сошедшим с портрета начала девятнадцатого века, но на старике он сидел безупречно, как вторая кожа.

— Я знал, что ты когда-нибудь вернёшься, — произнёс он тем самым голосом, сиплым и чуть хриплым, с мягкой картавостью. — Это был просто вопрос времени.

Дмитрий вскочил с кресла, чуть не уронив книгу. Его сердце забилося часто-часто, и он схватился за подлокотник, чтобы не упасть.

— Это вы... — выдохнул он, и голос его сорвался. — Что с вами не так?! Почему? Почему вы ни капли не изменились?!

Старик лениво вытянул ногу в начищенном ботинке и положил одну руку на колено. Он улыбнулся — уголками губ, беззвучно, но глаза остались серьёзными.

— Ах, Дима, со мной как раз всё в порядке. Я, можно сказать, в самом расцвете сил. А вот ты, — он окинул его взглядом, скольльзящим и оценивающим, — повзрослел. И кажется, созрел до моего предложения.

Дмитрий сглотнул. В горле пересохло, и он попытался говорить твёрже, но голос дрожал: — Да кто вы такой?!

Старик поднялся — плавно, без единого скрипа, — и сделал шаг вперёд. Дмитрий инстинктивно отступил, но его спина упёрлась в книжный стеллаж. Старик мягко взял его за плечи — пальцы были холодными, костлявыми, — и усадил обратно в кресло.

— Не бойся, — сказал он, и в голосе послышалась почти отеческая теплота. — Мы с тобой друзья, и тебе незачем волноваться. Меня зовут Николай Варфоломеевич, если тебе от этого станет легче.

Он вернулся на своё место, поправил жилетку и сложил руки на коленях. Теперь Дмитрий мог разглядеть его лучше. Его лицо было испещрено морщинами, но кожа имела странный фарфоровый оттенок, будто он не был живым человеком, а только казался им. Усы были идеально завиты, ни один волосок не выбивался из причёски. От него пахло лавандой и почему-то металлом.

— Откуда мне знать, что вам можно доверять? — выдавил Дмитрий, чувствуя, как страх и любопытство борются в нём.

Николай Варфоломеевич усмехнулся, и в его усмешке сквозила снисходительность.

— Но при этом ты пришёл сюда вновь. Сам, по своей воле. И вопрос тут не в том, можно ли мне доверять, а в другом, — он наклонился вперёд, и его глаза сузились. — Готов ли ты мне поверить?

Дмитрий молчал. Он смотрел на старика, затем перевёл взгляд на книгу, лежащую у него на коленях, затем на стеллаж за спиной Николая Варфоломеевича — там стояли тома в

кожаных переплётках, и на одном из них он заметил тот самый отпечаток босой стопы. В горле пересохло. Мысли метались, как загнанные звери.

Он думал о работе, где его никто не ценил, о премии, которую украли, о жене, которая предпочла другого, о пустой квартире, о том, что он уже давно не чувствует ничего, кроме усталости и отвращения к самому себе. Его жизнь была серой, как та осенняя лужа на асфальте, и в ней не было ни капли цвета. А здесь, в этом подвале, было всё — и тайна, и страх, и этот странный запах, который сейчас снова стал приторно-сладким, почти манящим.

Он молчал три минуты, может, пять. Слышно было только его дыхание и тиканье старинных часов, которых он раньше не замечал. И когда тишина стала невыносимой, он выдохнул:

— Я вам верю. Я согласен.

Николай Варфоломеевич широко улыбнулся — впервые по-настоящему, обнажив ровные, но желтоватые зубы, — и хлопнул в ладоши.

— Ну тогда вперед!

Дмитрий моргнул:

— Куда «вперед»?

Старик указал костлявым пальцем на книгу, лежащую на коленях Дмитрия.

— Ах да, забыл сказать. В руках ты держишь очень правильную книгу. Перелистни на пять страниц вперед.

Дмитрий снова открыл книгу и начал листать. С каждой перевернутой страницей запах начинал меняться — он крепчал, становился резче, кислее, и к третьей странице у Дмитрия закружилась голова. Пальцы дрожали, но он продолжал. Четвёртая страница — в глазах потемнело, он услышал гул, похожий на шум водопада. Пятая — и из книги вырвался ослепительный поток света, белый, режущий, как лазер, заполнивший всё помещение. Дмитрий зажмурился, но свет проникал сквозь веки, обжигая глазные яблоки.

И сквозь этот ослепительный шум он услышал голос Николая Варфоломеевича, спокойный и ясный, как звон колокола:

— Теперь вперед, в Кривдию!

Свет сжался вокруг них в тугую кокон, и Дмитрий почувствовал, как его тело становится лёгким, невесомым, будто его вырывают из реальности. Он попытался закричать, но звук не вышел — его засосало в книгу, как в водоворот, и последнее, что он увидел, были глаза Николая Варфоломеевича, горящие торжеством.

А затем всё исчезло.

Глава 3.

Первое, что почувствовал Дмитрий, когда свет поглотил его, — это полная потеря опоры. Его тело перестало быть твёрдым, он перестал чувствовать собственные ноги, руки, даже голову — всё растворилось в ослепительной белизне, которая не была ни тёплой, ни холодной, ни мягкой, ни жёсткой. Это была пустота, но пустота живая, дышащая, наполненная низким, гулким шумом, похожим на рёв тысячелетнего водопада, только приглушённым, будто он доносился из-за толстой стены. Гул проникал в кости, вибрировал в зубах, отдавался где-то в затылке, и Дмитрий понял, что пытается закричать, но его голос тонул в этом белом реве, не выходя наружу, просто исчезал, не родившись.

Его закрутило. Сначала медленно, как будто он падал в воронку, а затем быстрее, бешенее, и он потерял направление — где верх, где низ, где право, где лево, не имело значения, потому что белизна была везде, и она вращалась вместе с ним, или это он вращался вместе с ней. Желудок подступил к горлу, но вырвать было нечем — в этом пространстве не существовало ни еды, ни воздуха, ни даже самого желудка, только чистое, абстрактное ощущение движения. Дмитрий попытался закрыть глаза, но веки не смыкались — или смыкались, но свет всё равно проникал сквозь них, резал, слепил, оставляя перед внутренним взором пляшущие фиолетовые пятна. Он вспомнил, как в детстве кружился на карусели, пока не падал, но это

было в тысячу раз хуже — там было хоть что-то, за что можно ухватиться, а здесь не было ничего. Абсолютно ничего.

Время исчезло. Дмитрий не мог сказать, сколько это продолжалось — минуту, час, день, вечность. Гул оставался неизменным, вращение не замедлялось, и он начал терять себя, растворяться в этой белизне, превращаться в точку, в ничто. Он уже перестал пытаться кричать, перестал пытаться сориентироваться — он просто плыл, закрывшись от всего, и только одна мысль пульсировала в голове: «Зачем я согласился? Зачем?» Но ответа не было, и белое пространство не желало его отпустить.

А потом вращение резко прекратилось, и Дмитрий почувствовал, что падает. Не в пустоту, а вниз, с ускорением, ветер засвистел в ушах, и гул сменился пронзительным свистом, а затем — удар. Тяжёлый, грубый, лицом вниз, рот наполнился чем-то сухим и колким, и он инстинктивно вдохнул, и песок хлынул в дыхательные пути, обжёг горло, забил ноздри. Он закашлялся, забился, перевернулся на спину, выплёвывая мелкую, шершавую массу, которая скрипела на зубах, как битое стекло. Песок был везде — на губах, на щеках, в волосах, в ушах, под веками, и Дмитрий тёр лицо ладонями, пытаясь избавиться от этой липкой сухости, но песок будто впитался в кожу.

Он открыл глаза. Над ним было небо — ослепительно синее, без единого облака, такое яркое, что больно смотреть. Солнце стояло почти в зените, и его лучи впились в песок, заставляя поверхность пустыни искриться и дрожать от жара. Дмитрий приподнялся на локтях, огляделся. Вокруг простиралась пустыня — бескрайняя, ровная, золотисто-жёлтая, с редкими барханами, похожими на застывшие волны. Ни дерева, ни камня, ни тени. Только песок и небо, разделённые идеально ровной линией горизонта, от которой веяло безнадёжностью.

С трудом поднявшись на ноги, Дмитрий выплюнул последний комочек песка и попытался отряхнуться. Одежда — его старый плащ и брюки — были забиты мелкой пылью, ботинки наполнились песком, и каждый шаг отдавался скрипом. Он снова закашлялся, чувствуя, как песок царапает горло, и тут заметил фигуру, стоящую в паре метров от него. Николай Варфоломеевич стоял совершенно прямо, как будто только что сошёл с подиума. На его костюме не было ни пылинки — ни на лацканах, ни на плечах, ни на блестящих туфлях. Одна-единственная песчинка лежала на левом плече, и он небрежно стряхнул её указательным пальцем, словно смахивая крошку со скатерти.

Дмитрий почувствовал вспышку раздражения, смешанного с облегчением. Он сделал шаг к нему, и голос его прозвучал хрипло, с присвистом:

— Где мы?!

Николай Варфоломеевич повернулся к нему, и на его лице застыло выражение спокойного любопытства. Он поднял бровь, и усы его чуть шевельнулись.

— По правде говоря, не совсем там, где планировалось, но это вовсе не беда, — ответил он ровным, размеренным тоном, будто они стояли в парке, а не в раскалённой пустыне.

Дмитрий вытер пот со лба — рукав был влажным и липким.

— А где мы должны были быть? — спросил он, стараясь не выдать панику, которая снова начала подниматься из груди.

Николай Варфоломеевич вздохнул, заложил руки за спину и посмотрел вдаль, щурясь от солнца.

— Это трудно объяснить. Мы должны быть здесь, но не здесь конкретно. Понимаешь, есть такое место — Кривдия. Оно не на картах, не в атласах, но оно есть. И мы должны были попасть прямо в его центр, в город, который там называется Перекрёсток. А попали мы... ну, — он обвёл рукой горизонт, — в его окраину. Но я знаю, как попасть в нужное нам здесь.

Дмитрий моргнул, пытаясь переварить сказанное.

— Я не понимаю... — начал он, но Николай перебил его, вытащив из внутреннего кармана жилетки небольшой предмет и протянув его вперёд.

— Это нормально, — сказал он, и в голосе его послышалась мягкая снисходительность, как у учителя, который объясняет тупому ученику азы арифметики. — Ты привыкнешь. А пока держи. Это штука полезнее, чем выглядит.

Дмитрий взял предмет. Это был игральный кубик — обычный, пластмассовый, белый с чёрными точками на каждой грани. Он повертел его в руке — лёгкий, гладкий, с едва заметными царапинами на углах. Никакой магии, никакого свечения, просто обычный кубик, какие продаются в любом ларьке с настольными играми.

— Кубик? — переспросил он, в голосе зазвенело недоверие. — Зачем мне нужен кубик?

Николай Варфоломеевич улыбнулся — той самой уголками губ, беззвучной улыбкой, от которой по спине пробежал холодок.

— Вот когда он спасёт тебе жизнь, тогда и получишь ответ на свой вопрос. А сейчас нам пора идти. Иди за мной и не теряй из виду. Здесь легко потеряться.

Дмитрий сунул кубик в карман, но через пару шагов остановился. Любопытство пересилило. Он вытащил его, сжал в ладони и, повинуясь внезапному порыву, бросил на песок. Кубик звякнул о мелкие камешки и замер — на верхней грани чётко проступили пять чёрных точек.

Он моргнул. В его руке, откуда ни возьмись, лежала небольшая фляга — металлическая, с потёртой поверхностью и отвинченной пробкой. Внутри плескалась вода.

— Что за... — начал он, но Николай, уже успевший отойти на несколько шагов, обернулся и бросил короткий взгляд.

— А ты быстро учишься, — сказал он без удивления. — Пятёрка — предмет по надобности. Шестёрка — удача. Запоминай. И не трать зря.

Николай Варфоломеевич пошёл дальше, оставляя Дмитрия стоять с флягой в руке. Тот сделал глоток — вода была прохладной и свежей, — спрятал флягу в карман и догнал старика. Никаких вопросов он задавать не стал, но внутри него заглохло понимание: кубик не просто игрушка.

И он развернулся и зашагал вперёд, в сторону юго-востока, судя по теням, которые отбрасывали их тела на песок. Дмитрий секунду помедлил, глядя на кубик, потом сунул его в карман плаща и пошёл следом. Ботинки увязали в песке, и каждый шаг давался с трудом — песок был мелким, сыпучим, ноги скользили и проваливались, и через пять минут икры начали ныть. Жар стоял невыносимый: даже воздух, казалось, дрожал, и горизонт плавился, превращая далёкие барханы в призрачные миражные озёра. Дмитрий снял плащ, повесил его на руку, но всё равно пот заливал глаза, и он то и дело вытирал лицо рукавом рубашки, которая мгновенно промокла насквозь.

Николай Варфоломеевич шёл впереди, не оборачиваясь, и его шаги были лёгкими, почти невесомыми — он не оставлял следов, или песок мгновенно заметал их, Дмитрий не мог разобрать. Он двигался с уверенностью человека, который знает каждый дюйм этой пустыни, и его седые волосы не шевелились на ветру — ветра, кстати, не было. Была лишь неподвижная духота, которая давила на плечи, как невидимый груз.

Они шли молча минут сорок, может, час. Дмитрий пытался считать шаги, но сбился после трёхсот, потом ещё раз, и ещё. Язык распух от жажды, губы потрескались, и он уже начал подумывать, не попросить ли воды, как вдруг его взгляд привлёк странный предмет, катящийся по песку впереди, метрах в пяти справа. Это было перекасти-поле — сухой, колючий куст, свернувшийся в шар, который ветер, если бы он был, перекастывал бы по степи. На одной из колючих веток болтался потёртый кожаный ярлык с тем же силуэтом стопы — словно кто-то когда-то пометил этот куст, чтобы он не потерялся. Но ветра не было, а перекасти-поле двигалось, словно ведомое невидимой силой. Дмитрий заворожённо уставился на него, пытаясь понять, как такое возможно. Оно катилось, подпрыгивая на мелких кочках, оставляя за собой едва заметный след, и Дмитрий потерял бдительность ровно на двадцать секунд, может, на полми-

нуты. Он перевёл взгляд на Николая — или на то место, где он только что был, — и сердце его ухнуло вниз.

Николая не было. Прямо по курсу, где только что вышагивала знакомая фигура в сером костюме, теперь была лишь пустая песчаная гладь. Ни следа, ни пятнышка, ни даже ямки от ботинок.

— Нет, — выдохнул Дмитрий. — Нет, нет, нет...

Он рванул вперёд, туда, где последний раз видел старика, но песок плыл под ногами, и он пробежал метров двадцать, оглядываясь по сторонам. Никого. Только бесконечные жёлтые дюны, одинаковые, как близнецы, и ослепительное небо, в котором не было ни облачка, ни птицы, ни даже солнца — оно стояло неподвижно, как приклеенное.

— Николай Варфоломеевич! — закричал он, и голос его прозвучал тонко и отчаянно. — Вы где?! Ау!

Ответа не было. Тишина стояла такая плотная, что Дмитрий слышал, как кровь шумит в висках и как песок скрипит под его собственными ботинками, когда он поворачивается на месте. Он крикнул ещё раз, громче, сорвав горло, — и снова ничего. Пустота. Он был один.

Паника накрыла его с головой, как волна. Он начал бежать сначала в одну сторону, потом в другую, потом вернулся на исходную позицию, стараясь запомнить каждую дюну, каждый бархан, но все они были одинаковыми, и он уже не понимал, где он шёл, а где просто кружит на месте. Он остановился, переводя дыхание, и внезапно ощутил весь ужас своего положения. Он стоял в центре пустыни без компаса, без воды, без еды, без единой ориентира, и единственный человек, который мог ему помочь, исчез, оставив лишь дурацкий игральный кубик в кармане.

Он сел на песок, обхватив голову руками. Жар обжигал кожу, пот заливал глаза, и он уже не мог отличить его от слёз, которые вдруг полились сами собой, горячие и солёные. Он сидел так, наверное, пятнадцать минут — ему казалось, прошла вечность, — и в голове его роились мысли: «Он специально ушёл? Это проверка? Или я действительно потерялся? А если он меня бросил? А если я умру здесь?» Он сжал кубик в кармане, чувствуя его гладкую поверхность, и ничего не придумал.

И вдруг, когда отчаяние достигло пика и Дмитрий готов был просто лечь на песок и закрыть глаза, он заметил тень. Она упала на песок рядом с его головой, длинная и тонкая, и он резко поднял голову.

Надо ним стоял Николай Варфоломеевич. Он смотрел на него сверху вниз с тем же выражением спокойного любопытства, сложив руки на груди. Его костюм был безупречен, лицо сухо и свежо, как будто он не провёл в пустыне ни минуты.

— Я же говорил, что здесь легко потеряться, — сказал он ровным голосом, без упрёка, без насмешки — просто констатация факта.

Дмитрий вскочил на ноги, чувствуя, как по спине разливается волна облегчения, такая острая, что у него закружилась голова.

— Вы нашли меня! — воскликнул он, хватая старика за плечи, не думая о том, что это может быть невежливо. — Слава богу, вы это сделали!

Николай Варфоломеевич аккуратно освободил свои плечи из его хватки и поправил лацкан, на котором, кажется, появилась складка.

— Ты славить бога за то, что тебя нашёл я? — спросил он с лёгкой усмешкой. — Ты не находишь это странным? Если и хочешь кого-то благодарить, то логичнее будет меня.

Дмитрий растерянно моргнул. Он смахнул пот со лба и выдавил:

— Да это просто выражение, я вообще атеист.

Николай склонил голову набок, и в его серых глазах мелькнул огонёк, похожий на любопытство философа, разглядывающего невиданный артефакт.

— Тогда зачем ты упоминаешь имя божье? — спросил он мягко.

— Я... — Дмитрий запнулся, на мгновение задумавшись. — Я никогда не придавал этому значения.

— А зря, — сказал Николай, и в его голосе появилась почти наставительная нота. — В следующий раз попробуй. Возможно, ты будешь удивлён результатом.

Дмитрий хотел возразить, но передумал. Он был слишком рад, что его не бросили, чтобы спорить о теологии в раскалённой пустыне. Он просто кивнул и сказал:

— Хорошо. Договорились. Но только, пожалуйста, не исчезайте больше. Я боюсь, что сойду с ума здесь один.

Николай улыбнулся — на этот раз чуть теплее, почти по-отечески, и указал рукой вперёд.

— Я и не собирался исчезать. Просто ты не смотрел за мной, а я отлучился буквально на минуту, проверить дорогу. Но теперь иди прямо за мной, буквально в шаге. Не отставай и не отвлекайся.

Дмитрий кивнул и, сглотнув песчаную слюну, зашагал следом, держась буквально в полуметре от спины Николая. Он смотрел на его причёску, на идеально прямую линию плеч, на то, как его туфли касались песка и не оставляли следов. И он не отводил взгляда ни на секунду, даже когда ему казалось, что в глазах начинает двоиться от зноя.

Так они шли ещё два часа, если не больше. Солнце, к удивлению Дмитрия, не двигалось по небу — оно висело на одном месте, будто время здесь застыло, и это только усиливало чувство ирреальности происходящего. Песок под ногами скрипел, воздух дрожал, и Дмитрий начал замечать, что вдалеке, на линии горизонта, появляются странные очертания — сначала как точка, потом как силуэт, потом как массивный объект, напоминающий корпус корабля.

Когда они приблизились, он понял, что не ошибся. Перед ними лежал настоящий деревянный галеон, занесённый песком почти по самую верхнюю палубу. Огромные мачты торчали вверх, но их реи были пусты, паруса давно сгнили или были содраны ветром. Борта были покрыты потрескавшимся лаком, из-под которого проглядывало почерневшее дерево, а на носу красовалась резная фигура русалки с отбитым лицом. Корабль был огромен, как целый дом, и он лежал на боку, накренившись, словно его выбросило сюда штормом, хотя до ближайшего моря, судя по всему, были тысячи километров.

Николай Варфоломеевич остановился перед ним и поднял голову, оглядывая корпус с видом знатока.

— Пришли, — сказал он.

Дмитрий перевёл дыхание, облегчённо выдохнув. Он устал до такой степени, что ноги гудели, как провода под напряжением.

— Это то место, куда мы должны были попасть? — спросил он, надеясь услышать, что их путешествие закончено.

Но Николай покачал головой:

— Нет, это то, что поможет нам попасть в нужное нам здесь.

Он подошёл к борту, ухватился за выступающую доску и с ловкостью, которой никто не ожидал бы от пожилого человека, вскарабкался наверх, на покатую палубу. Дмитрий последовал его примеру, с трудом подтягиваясь на руках — плащ и ботинки только мешали. Песок сыпался с досок, когда он ступил на палубу, и она жалобно скрипнула под его весом. Корабль был пуст и заброшен: на палубе валялись обломки бочек, ржавые скобы, куски канатов, и всё это было перемешано с песком, который наметало сюда ветрами за долгие годы.

Николай направился к люку в кормовой части, ведущему в трюм. Дмитрий за ним. Ступени, ведущие вниз, были крутыми и скрипучими, и в темноте трюма Дмитрий чуть не споткнулся о что-то твёрдое. Когда глаза привыкли к полумраку, он увидел, что трюм практически полностью занесён песком — огромная куча занимала почти всё пространство, оставляя лишь небольшой проход вдоль правого борта. Но в центре этого песчаного завала стоял предмет, совершенно не вписывающийся в окружающую обстановку.

Это был пульт управления. Металлический, с десятками кнопок, переключателей, светящихся индикаторов, маленьких экранов и рычагов, как в кабине самолёта или подводной лодки. Он был вкопан прямо в песок, и вокруг него горели тусклые лампочки, питающиеся, очевидно, от какого-то скрытого источника энергии. Пульт был совершенно новым на вид, без единой царапины, и его поверхность отражала тусклый свет.

Дмитрий застыл, не веря своим глазам.

— Что... что это? — выдавил он.

Николай уже стоял у пульта, проведя костлявыми пальцами по сенсорной панели.

— Это то, что поднимет нас в воздух, — ответил он, даже не обернувшись. — Корабль не простой, он собран из разных времён. Корпус — шестнадцатый век, пульт — ну, скажем, из двадцать третьего. А энергии ему даёт совсем другая штука, но об этом позже.

Он начал активно тыкать в кнопки, и пальцы его двигались с поразительной скоростью, нажимая на клавиши в определённой последовательности. Один из экранов засветился ярко-синим, на нём побежали строчки непонятных символов. Раздался низкий гул, который нарастал, и корабль содрогнулся. Дмитрий почувствовал вибрацию, идущую от пола, услышал, как песок начинает сыпаться с потолка, с бортов, с мачт — и корабль медленно, с тяжёлым скрипом, начал выравниваться, подниматься из песчаной могилы, поворачиваясь на киль. Он дрожал, стонал, но его деревянные брёвна издавали звуки, похожие на вздохи пробуждающегося великана.

Дмитрий не выдержал, метнулся к люку, выскочил на палубу и замер. Корабль уже оторвался от песка на метр, два, три. Он поднимался всё выше, и песок лился с его бортов водопадом, уносясь вниз. Вскоре они уже висели над пустыней на высоте метров десяти, и Дмитрий видел, как под ними простирается бескрайняя жёлтая равнина с тёмным пятном галеона, который они только что покинули.

— Мы летим! — закричал он, чувствуя, как ветер — наконец-то настоящий ветер — ударил в лицо, солёный и прохладный. — Мы летим! Это невероятно!

Из люка показалась голова Николая Варфоломеевича. Он поднялся на палубу, отряхивая руки.

— Поверь, если для тебя это невероятно, — сказал он, и в голосе его звучала лёгкая гордость, — то дальше тебя ждёт куча потрясений. А сейчас мы на пути в наше нужное здесь.

Дмитрий обернулся и увидел, как сзади, за кормой, из деревянных досок выдвинулись два цилиндрических сопла, напоминающих реактивные двигатели. Из них вырвалось синеватое пламя, и корабль рванул вперёд, набирая скорость. Мачты дрожали, но держались, и ветер завывал в снастях. Дмитрий ухватился за поручни, чтобы не упасть, и смотрел вперёд, туда, где пустыня начинала сменяться чем-то иным — то ли зеленью, то ли туманом, но точно не песком.

Они летели на деревянном галеоне с реактивными турбинами. И Дмитрий впервые за долгие годы улыбнулся — не сдержанно, не через силу, а искренне, широко, как в детстве, когда он впервые нашёл ту самую дверь. И в этой улыбке было всё: страх, надежда, безумие и странное, тёплое чувство, что он, наконец, жив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.